

Российская глубинка глазами ее обитателей

Опубликовано в сборнике "Угорский проект: экология и люди ближнего Севера"/ ред. Н.Е.Покровского, М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008, сс.98-120

Российской глубинке, изучаемой в рамках проекта "Глобализационная трансформация российского Севера: перспективы очаговой экономики и социальной структуры", посвящено множество статей в сборниках: Современный Российский Север, 2005, Российский северный вектор, 2006, Перспективы Российского Севера, 2007 и др. Угорское поселение – главный полигон наших исследований – это *глубинка в глубинке*. Оно расположено в 600 км к северо-востоку от Москвы, в 260 км от крупных городов Кострома и Киров (посередине между ними) и также посередине между небольшими райцентрами Мантурово и Макарьев с населением соответственно 18,2 и 7,5 тысяч жителей.

Преыдушие исследования основывались, в основном, на статистических, литературных, исторических данных, а также на результатах интервью отдельных людей и личных впечатлениях участников проекта. В 2008 г. было решено более подробно изучить мнения тех, кто живет на этой территории, используя метод анкетирования. Анкетирование проводилось группой студентов и аспирантов под руководством и при участии автора. Статьи тех, кто принимал участие в этом обследовании, включены в этот сборник (см. статьи Десятовой А.С., Рамонова А.В., Свиридовой М.В. и Солодина Е.)

Поскольку от 30 до 90% реального, хотя и не круглогодичного, населения многих деревень составляют городские дачники, то опрашивалось как местное, но и сезонное дачное население. Понятие "дачник" весьма условно. В данном случае *под дачниками понималось население пришлое из крупных городов, главным образом, из Москвы, купившее в этих местах дома*. В то же время к местным сельским жителям по нескольку раз в год приезжают их городские дети, которые по существу тоже являются дачниками. Однако если дом не перешел в собственность горожанина и записан на жителя деревни, он рассматривался в группе домохозяйств местных жителей, а связи с городскими родственниками исследовались отдельно.

Анкетирование проводилось в двух сельских поселениях (сельских администрациях): Угорской и Леонтьевской, расположенных вдоль реки Унжи в 15-35 км к югу от районного центра Мантурово. Удалось опросить 80 домохозяйств местных жителей и 29 домохозяйств городских дачников (опрашивались хозяева домов по принципу одна анкета - один дом) в 13 селах и деревнях с общей численностью местного

населения 840 человек и 480 домохозяйствами. Таким образом, выборка оказалась довольно велика. При этом выбирались самые разные населенные пункты: центр поселения (Угоры – 227 жителей), лесной поселок (Карьково – 412 жителей), деревни среднего размера с 30-60 жителями (Давыдово, Хлябишино, Усолье), деревни, сократившие население до 5-15 человек (Медведево, Полома, Шилово, Дмитриево, Зашильское, Береговая) и, наконец, деревни, в которых в 2008 г. не осталось местных жителей, только дачники (Бажино, Ступино).

При анкетировании ставились три основные задачи:

- инвентаризация состояния домов, занятий, хозяйства, некоторой собственности в исследуемой сельской местности;
- анализ связей деревни с городами разного уровня (от Москвы до райцентра);
- выявление местных проблем и их восприятие разными группами людей (местными жителями и дачниками).

Кроме закрытых вопросов (с предлагаемыми вариантами ответов), анкета включала и вопросы открытые, поскольку нас интересовал весь спектр мнений по тем или иным проблемам. Тем самым в некоторых своих аспектах, анкета скорее напоминала беседу-интервью, делая ее неформальной и интересной обеим сторонам. Вся дополнительная информация, высказанная опрашиваемыми, записывалась на обороте анкет и также использовалась при анализе.

Анкета включала 5 основных блоков вопросов (см. приложение 1 и 2)

- 1 – о доме и его жителях;
- 2 – о хозяйстве и его ведении;
- 3 – об использовании природы;
- 4 – о взаимоотношении города и деревни;
- 5 – об организации сельской жизни и мерах по ее обустройству.

Анкеты для жителей и дачников включали все пять блоков, однако отдельные вопросы отличались, учитывая специфику каждой социальной группы.

Рассмотрим результаты анкетирования по основным блокам вопросов.

Сельское дома и их жители

Прежде, чем приступать к анализу ответов на вопросы анкет, надо пояснить, что представляют собой местные деревни. Напомню, что процессы депопуляции (уменьшения населения, его старения, отрицательного социального отбора) происходили здесь, как и в любой нечерноземной глубинке, весьма интенсивно (Нефедова, 2007). Например, в Угорском сельском поселении оно сократилось по сравнению с наиболее многолюдным

1926 г. в 7 раз (осталось 14%), а в небольших селах сохранилось 5 и менее процентов бывшего населения (таблица 1). И только в центре сельсовета Угорах осталась треть населения 1926 г., причем половина его в трудоспособном возрасте.

Таблица 1. Число жителей и их возраст в исследуемых деревнях Угорского сельского поселения.

	Население, число жителей в 2007 г.	Население 2007 в % к 1926 г.	старше 60 лет, %	от 30 до 60 лет, %	моложе 30 лет, %
Угоры	227	34	24	48	28
Давыдово	40	10	55	30	15
Медведево	10	5	75	13	13
Хлябишино	59	14	48	35	17
Дмитриево	10	4	40	50	10
Зашильское	6	5	50	50	
Бажино	0	0			
Полома	10	9	30	30	40
Ступино	2	2	100	0	0
Всего	386	14	36	41	22

Это означает, что не только люди, но и сами деревни изменились: дома поредели, много пустующих, разрушающихся домов, часть которых в последние годы активно приобретает дачниками.

А дома эти типичны для российского севера. Все они на высоких подклетьях и объединяют под одной крышей жилую часть, скотный двор и сенной сарай над ним. Соединяет жилую и хозяйственную часть так называемый мост с кладовкой, входной лестницей (из-за высоко поднятой жилой части) и лестницей на чердак. В результате дома кажутся огромными, их длина составляет 15-20 метров при ширине около 8 метров.

Около половины домов местных жителей необитые бревенчатые, часто с прорезными наличниками, которые на фоне почерневших бревен выглядят нарядно. Многие дома покосились (поскольку стоят не на фундаменте, а на камнях по углам), особенно дворы. Домов, обитых досками (также потемневшими от времени) чуть более четверти, а покрашенных совсем мало – около 15%. В крупных поселениях есть двухквартирные бревенчатые более современные дома, которые строил колхоз.

Совсем старых домов, стоящих с начала XX века оказалось не так много (20% что у местных жителей, что у дачников). Около 30% местных домов и половина дачных построены или перебирались в середине XX века. Остальные – после 1960 г. Больше всего доля относительно новых домов в крупных поселениях, в центре поселения Угорах и в лесном поселке Карьково, куда стекались жители окрестных деревень. Недаром около половины опрошенных там указали местом своего рождения именно соседние деревни, в то время как большинство жителей небольших деревень родились и прожили в них всю жизнь.

Дачники больше тяготеют к небольшим деревням (таблица 2) и покупают старые дома. Бум покупок (около половины всех опрошенных) пришелся на 2000-е годы и не окончен. Дачников со стажем (дом куплен в 1970-80-х гг.) здесь немного – около четверти. Еще четверть приобрела недвижимость в 1990-х гг. Подавляющее число дачников (86%) – из Москвы и Московской области. Дачники из других городов (С-Петербурга, Мурманска, Мантурово) получили дом и землю по наследству.

Таблица 2. Земельные участки, принадлежащие местным жителям и дачникам в Угорском сельском поселении в 2006 г.

	Земельные участки в собственности, число		Доля дачников среди собственников земли, %
	Местные	Дачники	
Угоры	99	46	32
Давыдово	16	14	47
Медведево	4	15	79
Хлябишино	31	20	39
Дмитриево	1	12	92
Зашильское	5	12	71
Бажино	0	7	100
Полома	4	12	75
Ступино	1	10	91
Всего	175	161	48

Благоустройство домов и местных жителей, и дачников, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Все они на печном отоплении (в домах обычно две печки: русская и голландская), туалет с выгребной ямой на улице или на холодном сеновале, вода в колодце (да и то не лучшего качества, поскольку колодцы используют верховодку). Дачники все же пытаются благоустроить дома. Треть из них имеет баллонный газ и подачу воды в дом. Пять семей из 29 опрошенных провели не только водопровод, но устроили теплый городской туалет с септиком. Однако около 60% дачников не намерены что-либо менять в доме, стремясь сохранить его своеобразие и целостность, и лишь 18% хотят проводить внутреннюю перепланировку, отопление и т.п., не меняя внешний вид домов. Нашлись и такие (всего двое), кто предпочел построить новый дом, тоже бревенчатый, но более компактный и современный.

Среди опрошенных местных хозяев домов преобладают пожилые люди (в 2/3 домов проживают 1 или 2 человека в возрасте старше 60 лет). Многие из них имеют детей в городах, которым и перейдут по наследству эти дома. Так что число дачников будет только увеличиваться.

Надо признать, что по возрасту пришлое дачное население мало отличается от местного: относительно молодых (до 50 лет) владельцев домов всего 15%. Еще 44 % в возрасте от 50 до 60 лет, остальные старше. Тем не менее, как пенсионеры, позиционировала себя только треть дачников. Большинство продолжают работать.

Поэтому использование домов совсем иное, чем в ближайших пригородах, на выходные сюда не поездишь (все-таки 600 км от Москвы). Приезжают 1-2 раза в год на 2-4 недели. Тем не менее, треть навещается гораздо чаще (3-5 раз в год), и примерно столько же живет в деревне подолгу (все лето, а то и полгода). Таким образом, летом, а порой и весной и осенью, дачники составляют заметную прибавку местному населению, оживляя полузаброшенные деревни.

Тем не менее, несмотря на современный бум дачного заселения удаленной глубинки перспективы этого процесса не ясны. Как показывают опросы, в такие районы стремится определенная прослойка интеллигенции среднего и малого достатка, чаще всего среднего и пожилого возраста. Столичная молодежь явно имеет другие ориентиры, предпочитая оставлять деньги на курортах, а с детьми – отдыхать и жить на благоустроенных подмосковных дачах. Так что смены поколений автоматически может не произойти, а возраст современных дачников скоро может стать препятствием для передвижения на столь большие расстояния.

Хотя большинство дачников (72%) отметили, что к ним иногда приезжают взрослые дети, утверждать с уверенностью, что они также "прикипят" к этим местам, как и родители, смогли лишь 7%. Еще 20% ответили уклончиво - дети, скорее всего, будут приезжать. 13% считают, что дети не будут приезжать, а около половины опрошенных не могли ответить на вопрос, подхватят ли дети их эстафету. Все зависит от того, в каком возрасте они получат в наследство эти дома, каково будет их материальное положение, какова будет ситуация в стране и в Москве. Пока очевидно лишь одно – *помимо желания временно сбежать от полной стрессов жизни в огромном мегаполисе на тяге к дачной жизни в удаленной деревне сказываются поколенческие различия. Проводить значительную часть времени в деревне на природе больше готовы дети и люди в более преклонном возрасте.*

Типам дачников и их взаимоотношению с местным населением посвящена отдельная статья М.В.Свиридовой в этом сборнике. Здесь лишь отметим, что *рассматривать современную деревню, даже такую удаленную, без новых собственников-дачников уже не правомерно. Дачники не имплантируются в местную жизнь как чужеродные элементы, они активно в ней участвуют.* Чем больше дачников, тем в большей степени жизнь поселения и даже его традиционная деятельность, включая сельское хозяйство, зависят от состава и активности этого пришлого населения.

Занятия и хозяйство

Среди опрошенного местного населения 60% оказались пенсионерами (о местных жителях см. статью А.С.Десятовой). Здесь это одни из самых богатых людей (пенсия от 4 до 8 тысяч рублей). В колхозе (СПК "Свобода") оставалось около 30 работников, да и то работа была периодической, формально числилась лишь администрация предприятия. Пятеро опрошенных позиционировали себя как работники СПК. Зарплата там одна из самых низких (около 2 тыс.руб.) и ниже средней пенсии. Остальные опрошенные жители заняты в социальных учреждениях в Угорах и Карькове (школа, детский сад), работают в магазине или на пилораме. Двое позиционировали себя как безработные, остальные подрабатывают, где могут, включая Мантурово, или живут своим личным подсобным хозяйством. Выбор занятий крайне ограничен.

Среди дачников преобладала интеллигенция, часто творческих профессий, весьма далеких от занятий местного населения. Больше всего среди опрошенных работающих дачников – "технарей" и программистов (30%), художников (20%) и ученых (20%). Есть преподаватели, журналисты, искусствоведы, врач. Профессиональных точек соприкосновения с местными жителями крайне мало, разве что некоторые дачники работают с местными детьми, например, дают уроки иностранного языка, ведут кружки. Треть дачников со свободным режимом работы и в деревне занимается своей основной городской работой (прежде всего, люди творческих профессий). ***Опросы показали, что местные жители имеют очень слабое представление, чем собственно занимаются в городе дачники, и судят о них только по их жизни и деятельности в деревне.***

Сами дачники главным занятием здесь в деревне назвали обихаживание своего хозяйства, включая дом и землю (85%). Около 40% ходят в лес, собирают грибы и ягоды. Многие считают все это отдыхом. Треть отметила, что именно здесь они много читают, причем книги не однодневной, а классической литературы, мемуары. Правда, многие - наряду со справочниками по ремонту дома и садоводству. Около 10% занимаются, помимо своей основной профессии, творчеством (пишут, рисуют, вяжут, занимаются фотографией и т.п.).

Интересно, что каждый пятый здешний дачник имеет дачу и в Подмосковье. Но "ближняя дача" из-за расширения городской застройки, натиска коттеджного и дачного строительства, сжатия природных ландшафтов, их огораживания "новыми русскими", невозможности из-за пробок ездить в Москву на работу, обилия машин в дачных поселках теряет свою функцию загородного жилья на природе, превращаясь в своеобразное "гето" за высоким забором. Поэтому некоторые даже продали подмосковную дачу, променяв ее на безлюдные просторы и вид горизонта из окна деревенского дома.

Приусадебные участки у домов в этом месте достаточно большие: 40% местных жителей и 30% дачников имеют в собственности около 50 соток. Остальные владеют 20-30 сотками и менее. И лишь двоим давним дачникам удалось приобрести гектар и более земли в собственность. Правда есть еще земля в аренде, но участки небольшие. **Однако, в отличие от пригородов, количество земли в собственности или в аренде здесь не имеет пока существенного значения, разве что на будущее.** Заборы здесь весьма условны, часто их вообще нет, а вокруг простираются не мерянные заброшенные земли колхоза. Правда, ходить по ним очень трудно, так как некошеные много лет травы достигают высоты роста человека.

И местными жителями, и дачниками (да и то не всеми) используется только земля вокруг дома. Причем интенсивно использует землю (75-100% под посадками) лишь 28% местных жителей. Каждый пятый опрошенный житель деревни – обрабатывает половину своего участка. Но **таких местных хозяев, которые не сажают ничего, нет.**

Совсем иное отношение к земле дачников. Треть из них не сажает ничего. Каждый пятый использует до четверти своей земли вокруг дома. Еще 30% - наполовину. Тех, кто ведет полноценное приусадебное хозяйство, среди опрошенных было всего 5 человек, из них трое живут в деревне круглый год (превратившись, по существу, в местных жителей, хотя и прописаны в Москве). Зато половина дачников сажает много цветов (у некоторых – только цветы), которые стали прививаться и у местных жителей. Каждый шестой дачник пытается создать вокруг дома некий ландшафтно-цветочный дизайн.

Скота у дачников нет. И у местных его поголовье сильно уменьшилось по сравнению с 1980-ми гг. Теперь корову или телку имеет лишь четверть опрошенных, столько же имеет свинью или поросенка. Это примерно соответствует данным статистики: в 2006-2007 гг. на 386 жителей и 247 домохозяйств Угорского сельского поселения приходилось 70-80 голов крупного рогатого скота (Нефедова, 2007). Две коровы имеют лишь двое опрошенных из Угор. Также четверть опрошенных содержит коз. Даже птицы мало - половина жителей не имеет даже кур. Принадлежащие местным жителям коровы, телки и бычки выпасает пастух вместе с остатками колхозного стада. Исключение составляют лишь немногие фермеры, которые держат свой скот отдельно.

Продают свою продукцию (молоко, творог, сметану, картофель) лишь 15% опрошенных местных жителей. Продают либо в Мантурово, либо соседям: местным и дачникам. 82% местных жителей отметили, что они уменьшили производство продукции своего хозяйства по сравнению с 1980-ми годами (рис. 1). Главной причиной упадка личного хозяйства стал возраст самих хозяев и отъезд молодых в города. Многие отмечают сложности с кормами для скота, отсутствие былой помощи колхоза, появление

в 1990-х гг. всех продуктов в магазине. Последний фактор особенно важен для молодежи, которая вообще не понимает, зачем тратить столько сил и времени на свое хозяйство, особенно на скот, лучше заработать и купить то, что нужно. Таким образом, *социальные эстафеты крестьянского труда, передаваемые из поколения в поколение, рушатся, поскольку поддерживались они не крепостью традиций, как принято думать, а постоянной нуждой и дефицитом продовольствия* и до советской власти и в советское время.

Тем не менее, спрос на продукцию населения есть и увеличивается с ростом числа дачников: 90% дачников периодически или постоянно покупают молочные продукты у населения и 40% покупают (или получают в подарок от соседей) картофель и овощи.

В то же время потенциал хозяйствования на земле близок к исчерпанию. Половина местных жителей, главным образом, пожилых, ведет свое хозяйство как бы по инерции, независимо от доходов, просто потому, что земля не должна пустовать. Даже при увеличении доходов они вели бы его также. 12% опрошенных при увеличении других доходов уменьшили бы посадки или скот, а 25% не вели бы подсобное сельское хозяйство вовсе (рис. 2). И лишь 14% опрошенных местных жителей ответили, что при гипотетическом увеличении любых доходов в 2-3 раза они бы расширили и личное подсобное хозяйство. *Эти 14% и показывают гипотетический потенциал развития местного мелкого предпринимательства в сельском хозяйстве. Однако в реальности большинство этих людей не знает, что предпринять, чтобы получить начальный капитал для расширения сельскохозяйственного производства и ничего для этого не делает.* Брать кредиты, в т.ч. в рамках Национального проекта, многие опасаются из-за глубокого недоверия банкам и государству (кредит в 30 тысяч рублей под 2% годовых, остальное доплачивает государство, вполне доступен). Для тех, кто готов рискнуть, этих тридцати тысяч недостаточно. Наиболее перспективные точки роста частного агропроизводства связаны здесь, в основном, с приезжими (Татьяна Панова из Свердловской области, Юрий Кан из Средней Азии и другие), которые создают частные животноводческие товарные хозяйства на 10-20 голов КРС).

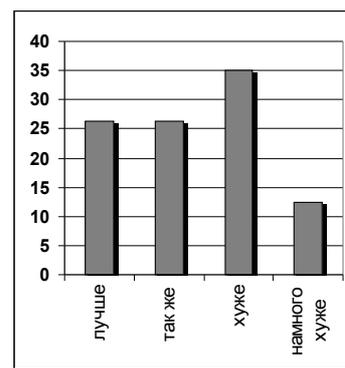
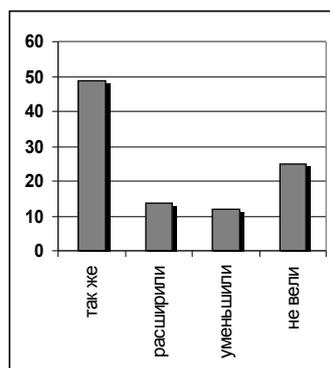
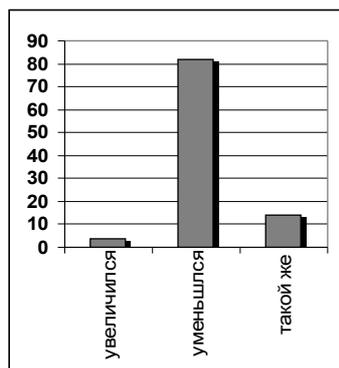

Рис. 1. Изменение объема продукции своего хозяйства местных жителей, % ответивших

Рис. 2. Как бы местные жители вели хозяйство при гипотетическом увеличении иных доходов, %

Рис. 3. Жизнь местные жители стали..., в %

Низкий уровень предпринимательского потенциала местных жителей особенно резко контрастирует с обилием земли. Кроме относительно больших приусадебных участков и возможности выпасать скот на заброшенных землях колхоза, половина опрошенных номинально имеет земельный пай 6-7 гектар. Используют часть этого пая под картошку только 4 человека. Девять опрошенных ответили, что земельный пай вроде бы есть, но где документы на него, они даже не знают. Остальные передали пай (не выделенные в натуре) в колхоз. Положенную за аренду паев населения плату никто от колхоза, который дышит на ладан, не получает. Тем не менее, с прошлого года с жителей стали требовать налог на собственность за эту виртуальную землю (500-600 рублей), что вызывает их справедливое возмущение.

В отличие от дачников, которые на примере Подмосковья хорошо знают цену земли, здешние местные жители к земельной собственности равнодушны. Лишь недавно некоторые из них узнали, что земельные пай что-то стоят (кадастровая стоимость – 1.5 тыс. рублей за гектар). Тем не менее, половина опрошенных считает, что сельскохозяйственные земли должны принадлежать колхозу, 11% - государству, 6% - кому угодно. И лишь 18% считает, что земля должна принадлежать фермерам, и 15% - жителям. Вслед за вопросом "Кому должны принадлежать сельскохозяйственные земли?" мы обычно задаем вопрос "Нужна ли собственность на сельхозземли Вам?" Во многих районах эти два вопроса выявляли определенное раздвоение мышления: люди отвечали, что земля должна принадлежать колхозу, но им самим собственность на землю тоже нужна (Нефедова, 2003). На самом деле они подразумевали разные земли: ничейную прежде колхозную землю (так и не осознав, что она теперь тоже их) и свою, приусадебную. Здесь даже такого раздвоения нет: 80% населения ответило, что им не нужна частная собственность на землю.

Помимо домов и земель, ценность которых в таких глубинных удаленных районах еще не осознана и не оформлена, иная собственность здесь вполне ценится. При относительно низких доходах 26% опрошенных местных жителей имеют машины (чаще жигули и москвич), 13% мотоциклы. Каждый четвертый имеет лодку, а каждый десятый – трактор, на которых некоторые подрабатывают. Почти половина жителей пользуется сотовыми телефонами и 9 человек – компьютерами. Даже спутниковую антенну имеют 4 дома из тех, что мы обследовали. Однако лишь четверть сельских жителей сказали, что они стали жить лучше по сравнению с 1980-ми годами (рис. 3). Еще четверть отметила, что в их жизни мало что изменилось. Остальные считают, что стали жить хуже, в т.ч. намного хуже 13% опрошенных. При этом, в понятие "хуже" люди часто вкладывают не только зарплаты и имущество. Когда в процессе интервью начинаешь разбираться, почему хуже, выясняется много побочных факторов: "был колхоз, коллектив, настрой на работу", "сейчас никому ничего не надо", "у всех коровы были" и т.п. ***Многих удручает не столько их личное финансовое положение, сколько общая деградация среды в депопулировавших деревнях, которая затягивает и их самих.***

Имущественное положение дачников заметно лучше. Машину имеют почти 60% (чаще иномарки, на которых они и добираются сюда из Москвы за 9-10 часов), еще 10% - мотоцикл. Треть имеют компьютер. Каждый пятый из опрошенных – спутниковую антенну. Некоторые имеют лодки и даже трактор или мотоблок.

И, наконец, отдельно нас интересовало, сколько дачники оставляют здесь денег. Ответить на эти вопросы смогли далеко не все. У многих это зависело не только от собственных трат, но и от того, сколько приезжает гостей: друзей и родственников. Ответы по тратам на продукты питания распределились следующим образом: треть оставляет в год в сумме до 10 тысяч рублей, 20% - от 10 до 20 тысяч, около 15% - свыше 20 тысяч. Правда многие ездят за продуктами в города Мантурово или Макарьев, тем самым, поддерживая экономику малых городов, а не деревни, хотя дачники, также как и сельские жители, пользуются услугами автолавок и местных магазинов в центрах поселений. На ремонт и отделку дома, обихаживание участка траты гораздо больше, хотя и не регулярны. В среднем за несколько лет они составляли у четверти дачников - до 20 тысяч руб., у 14% - от 20 до 40 тысяч, у 17% - более 40 тысяч. В результате затраты на покупку дома в этих удаленных местах оказываются даже меньше, чем последующие траты на его ремонт и улучшение. Часть этих трат оседает у местных жителей, помогающих в ремонте, покосе и т.п., часть уходит в Мантурово на стройматериалы.

Таким образом, помимо поддержки сельского хозяйства местных жителей и уплаты налогов на собственность, дачники вносят большой денежный вклад в местную

экономику района и города, затрачивая в среднем 20-40 тысяч рублей на одно домохозяйство в год.

Подводя итог данному разделу, хочется отметить удивительное постоянство доли активного населения среди местных жителей. Напомню: 15% опрошенных продают продукцию своего хозяйства, 14% - расширили бы производство, будь у них дополнительные деньги, 15% - собирают на продажу грибы и ягоды (см. ниже) и, наконец, 15% считают, что земля должна принадлежать жителям. Возможно, столь точное совпадение случайно. Но, судя по всему – *эти 15% местного населения и есть тот самый потенциал, на который может опираться в настоящее время развитие этой местности.*

Взаимоотношения с природой

Отношения к природе у дачников более трепетное, чем у местных жителей. Ради нее они и приехали в такую даль. Примерно половина дачников узнали об этом месте от знакомых, 30% сами приезжали сюда к друзьям или в командировку и были захвачены в плен красотой здешних мест. Пять человек отметили, что это их родина, на которую они и стремились вернуться даже в таком ином качестве дачника.

Красота ландшафтов, почти прибалтийские прозрачные (стеклянные) боры с лишайниками и мхами, река Унжа, своими размерами, песчаными пляжами и крутыми берегами напоминающая Оку, только чистую, не загрязненную, – это главная притягательная сила для большинства дачников (75% опрошенных). Почти 40% привлекают уединение, безлюдье, отсутствие цивилизации, тишина, покой, полное отсутствие стрессов и страха. Каждый третий отмечал экологическую чистоту в целом и экологически чистые продукты. Некоторых привлекает сам уклад жизни в деревне, в т.ч. бани. И каждый пятый отмечал, что именно здесь он может чувствовать себя самым собой, реализовать то, что хочется, творить, просто жить, а не существовать в постоянной суете и стрессе, как в Москве.

Непосредственное использование природы также привлекает сюда горожан, особенно сбор грибов (90% дачников) и ягод (70%). Многие покупают ягоды у местного населения, 40% делает большие заготовки грибов и ягод на зиму. Все это дает стимул и местному бизнесу по сбору и продаже даров леса. Однако грибы и ягоды собирают на продажу только 15% опрошенного местного населения. Продаются либо дачникам, либо на трассе, причем не дешево (в 2008 г. 1 кг черники стоил 100 рублей). Тем не менее, за создание пункта приема грибов и ягод в их или в соседней деревне ратует всего четверть опрошенного местного населения и чаще те, кто собирает дары леса от случая к случаю. У

большинства людей такие пункты ассоциируются с прежней потребкооперацией с низкими ценами приемки продукции. Профессионалы сборки все равно предпочитают свои способы сбыта продукции.

Охота среди дачников не прививается. Не популярна она и у местных жителей (5%). Ею занимается, в основном, местное начальство, в т.ч. прикармливая зверей (см. статью Е.Солодина, посвященную разнообразным аспектам взаимодействия разных групп населения этих мест). А рыбная ловля довольно распространена (45% дачников), даже больше, чем у местных (26%). Но зато у последних она более профессиональна, часто с сетями и хорошим знанием мест лова.

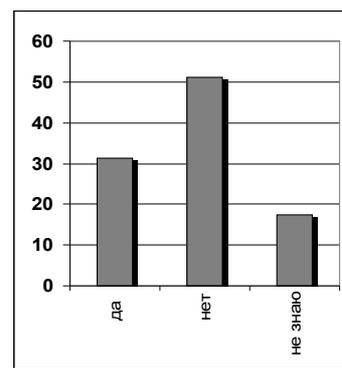
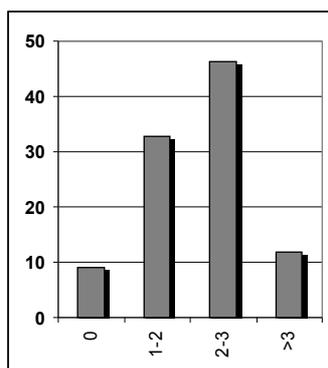
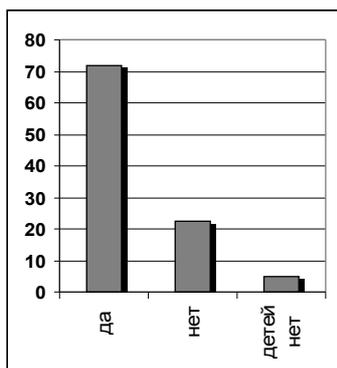
Одним из видов обслуживания дачников становится и работа проводников. Ближние леса дачниками "прочесаны" и хорошо известны. А дальние бесконечные, местами заболоченные леса за рекой, тянущиеся на десятки километров, вызывают опасения у населения пришлого, в то время как многие местные жители хорошо знают все тропки. Кроме того, проводники часто требуются и для плавания по реке с ее частыми мелями, затонувшими бревнами от прежнего лесосплава и т.п.

Взаимосвязи города и деревни

В литературе очень популярны рассуждения о крестьянстве, как некоторой самостоятельной ценности. На мой взгляд, эта особая ценность давно размыта, поскольку *влияние городов на сельскую жизнь огромно даже в такой удаленной глубинке.*

Начну даже не с влияния московских дачников, а с того, что почти *у трех четвертей опрошенных местных жителей дети уже живут в городе* (рис. 4). Половина местных жителей до четверти получаемой ими сельскохозяйственной продукции отправляет детям в города.

Связи с городскими детьми довольно крепкие, причем приезжают часто несколько детей с семьями (рис. 2). Учитывая, что 36% жителей имеют детей в ближайших городах Мантурове и в Шарье, и они приезжают к родителям довольно часто, помогают в хозяйстве, проводят здесь отпуск, оставляют старикам внуков. Еще у 17% дети живут в Костроме и Ярославле. Детей в Москве и С.-Петербурге имеют немногие - всего 6% опрошенных, зато около 30% разбросали потомство по всей стране, больше на юге и востоке. Эти приезжают реже. Сами сельские жители тоже довольно часто ездят в райцентр (четверть – раз в неделю, 30% - раз в месяц). 60% местных жителей были в Москве.

Вопросы к местным жителям. Ответы в % от числа опрошенных

Рис. 4. Есть ли дети в городе?	Рис. 5. Количество детей, приезжающих в деревню из города в отпуск или на выходные	Рис. 6. Если бы у местных жителей была работа и зарплата в 2-3 раза выше, уезжали бы они в города?
--------------------------------	--	--

Ориентация сельского населения на города ярко выражена. На вопросы "Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети учились или жили в городе" отрицательно ответили лишь 15% опрошенных. Причем для них самих, особенно для пенсионеров, городская жизнь не кажется привлекательной, около 80% опрошенных не хотело бы переехать в город, но для своих детей они желают иной жизни.

Среди причин бегства населения в города почти три четверти называют все-таки современные экономические факторы (отсутствие работы и низкие зарплаты), уже забыв о том, что наиболее активно сельское население уезжало в города в позднесоветские годы, когда и работа была, и зарплаты почти сравнялись с городскими. Правда на вопрос "Уезжали бы люди в города, если бы была работа и зарплата в 2-3 раза выше?" 31% опрошенных ответили положительно и 18% затруднились с ответом, косвенно признав тем самым, что чисто экономическими рычагами проблему отъезда молодежи не решить (рис. 6). Половина все-таки сочла, что этих рычагов достаточно, чтобы удержать население в деревне. Среди других факторов притягательности городов наиболее популярными оказались: облегченный быт (14%), возможности образования и развития (14%). Некоторые считают, что это поиски легкой жизни (10%). По 3-4% назвали причиной отсутствие инфраструктуры и общую депрессию села.

Отношение к московским дачникам у местного населения в основном положительное (61%). Никто не ответил отрицательно. Остальным просто все равно. Главным достоинством пришедших чужих горожан они считают то, что те поддерживают и облагораживают дома, тем самым, сохраняя деревни, иначе бы их просто разорили (треть опрошенного местного населения). Каждый четвертый ценит общение с приезжими - "приятные люди, стало веселее". Для 8% важно, что земля не пустует, дачники ее обрабатывают, косят траву. Лишь 3% отметили дачников, как покупателей продукции.

Очевидно, что *преобладает отношение не тактически-потребительное, а дружеское с элементами стратегического подхода*. Всего два человека отметили, что их не устраивает то, что дачники собирают грибы и ягоды, составляя им конкуренцию.

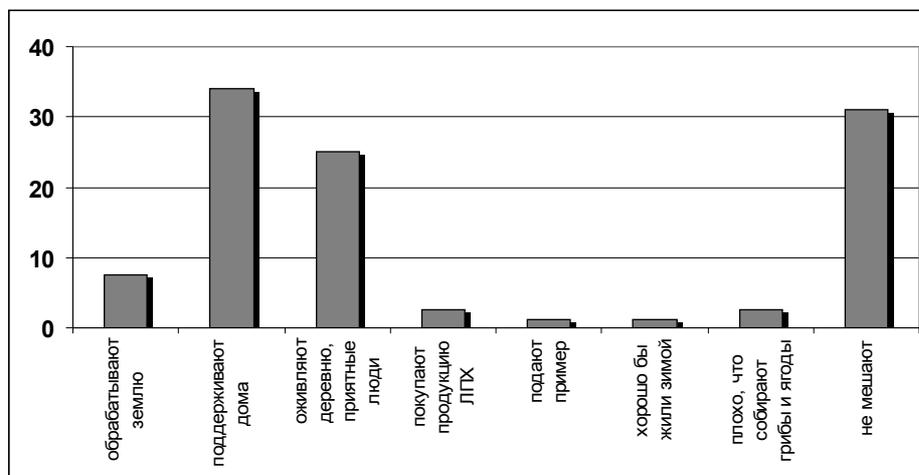

Рис. 7. Отношение местных жителей к дачникам, в % от числа опрошенных

В последний момент мы все-таки вставили в анкету дачников вопрос: "Как Вы относитесь к местным жителям, что Вам нравится и не нравится в их жизни". Ответы были более суровыми. Лишь около 40% дачников отметили, что их устраивает образ жизни местного населения. Еще 10% ответили, что им нравятся бабушки и дети. Каждый пятый отметил, что люди здесь спиваются, растрачивают свои способности попусту, сжигают себя, каждый третий отмечал пассивность, нежелание благоустроить жизнь, браться за работу, даже если ее предлагают.

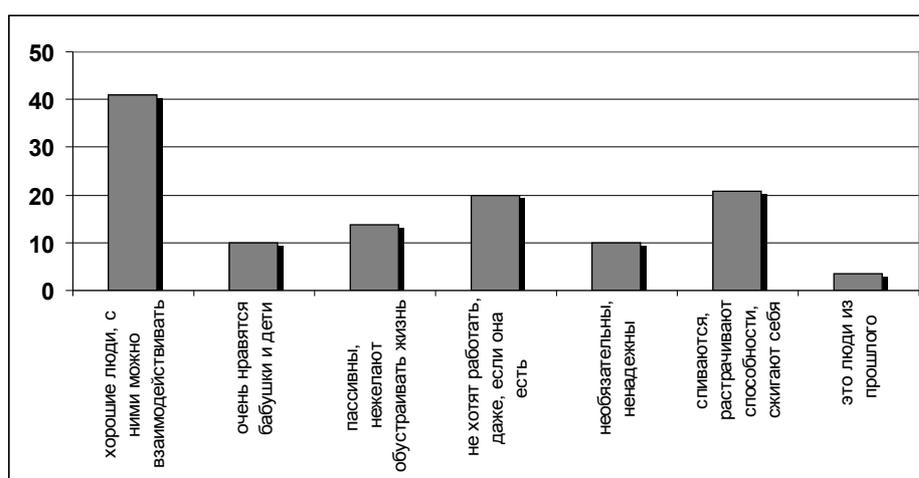

Рис. 8. Отношение дачников к местным жителям, в % от числа опрошенных

Тем не менее, дачники очень сильно зависят от местных жителей, покупая их продукцию (подавляющее большинство – молоко, творог, сметану, около 40% - рыбу, грибы, ягоды, столько же – овощи и картофель). 70% дачников обращается к местным

жителям за помощью в ремонте и обустройстве дома, каждый четвертый – за помощью по хозяйству. При этом на вопрос "Устраивает ли их качество работы местных жителей?" положительно ответила лишь четверть. Еще столько же считает, что хорошо работают лишь единицы, а в большинстве случаев работу надо контролировать. Низкое качество отметили 10%, а 14% считают, что местные слишком задирают цены. Можно выделить два полярных типа местных работников. Первый тип – это единицы непьющих и малопьющих мужиков, которые осознали свою незаменимость у дачников на общем неблагоприятном трудовом фоне, особенно в малых деревнях, и поднимают цены на свою работу до подмосковного уровня и выше, требуя за день-два работы столько, сколько дачный интеллигент получает в Москве за полмесяца труда. Второй тип – полная противоположность, всегда "навеселе", они готовы выполнить любую неквалифицированную работу за бутылку водки и 100 рублей, но качество этой работы оставляет желать лучшего. Среднее звено, как и всегда в России, можно встретить довольно редко.

Тем не менее, дружба дачников и местных жителей весьма распространена, 72% ходят в гости и помогают друг к другу. Более того, и те и другие понимают, что друг без друга в депопулировавших деревнях им уже не выжить. Недаром местные жители отмечают, что они хотели бы, чтобы больше дачников оставалось зимовать. А дачные деревни без местных жителей просто становятся нежизнеспособными, дома разворовывают вчистую. Дачники обезлюдивших деревень (например, в Бажино) уже подумывают о том, чтобы переехать в ближайшую еще живую деревню.

Организация сельской жизни

При создании анкеты от этого раздела я ждала больше всего новой информации и не ошиблась. Большинство вопросов здесь открытые, поэтому спектр мнений оказался довольно широк. Тем не менее, при обработке анкет их удалось свести в несколько групп.

Ответы на первый вопрос – *"Что Вас не устраивает в сельской жизни?"* отличались у дачников и у местных жителей (рис. 9). Для дачников вообще характерна более активная позиция, крайним выражением которой стала фраза одной дачницы: "Мы сами организуем свою жизнь здесь" (см. статью М.В.Свиридовой). Главным фактором, раздражающим дачников (59% опрошенных) стала неразвитая инфраструктура (дороги, благоустройство улиц, включая освещение, водоснабжение, отсутствие газификации и утилизации отходов и т.п.). Местные жители, более привычные к отсутствию элементарной инфраструктуры, этот фактор отмечали гораздо реже (лишь 15%). Для них гораздо важнее оказались экономические факторы (нет работы, низкие зарплаты, кризис

колхоза и т.п.) – 29%. Любопытно, что дачники также отметили этот фактор (7%), но не в отношении себя, а относительно местных жителей (колхоз порушили, работа тяжелая и мало оплачиваемая).

На втором месте у дачников оказалось недовольство властью, что во многом переключается с недовольством инфраструктурой, состояние которой во многом зависит от местной власти. Претензии к власти (их невнимание к нуждам людей, кампанейщина¹, нежелание организовать местную жизнь, бюрократизация и т.п.) высказывал каждый третий дачник². Местные жители оказались явно более покорными: лишь 10% высказали претензии к власти, да и то больше либо к федеральной (нет помощи государства), либо низкой (плохое руководство). Зато 18% местных жителей отметили тяжелый быт и 9% - неразвитость социальной сферы. Для дачников эти факторы оказались почти незначимыми. Приезжая сюда, они были готовы к тяжелому быту. Слабая солидарность местных жителей, нежелание решать общие проблемы, а также обворовывание домов не устраивает многих дачников – претензии к сообществу выразили 17%. Среди местных жителей тоже есть недовольство своим сообществом, но иное: бегство молодежи, нежелание работать на земле, пьянство (14%). *Важно, что местных, которых все устраивает, набралось 36%, дачники оказались более строптивыми (рис. 9).*

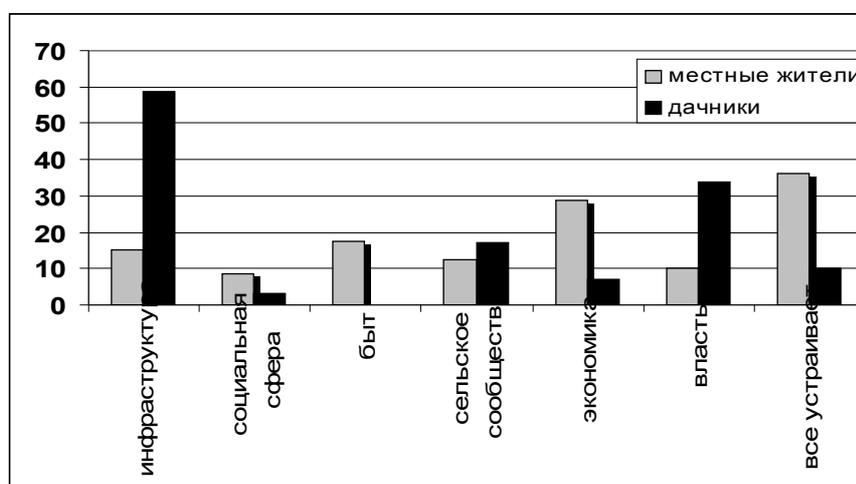

Рис. 9. Ответы на вопрос: "Что Вас не устраивает в сельской жизни?", в % от числа опрошенных

¹ Во время нашего пребывания во всех деревнях района устанавливали дорогие уличные телефоны (забыв объяснить местным жителям, как ими пользоваться). С этой кампанией власти явно опоздали лет на пятнадцать-двадцать, поскольку у половины местных жителей, у всех их детей и, тем более, у московских дачников есть сотовые телефоны.

² Необходимо учитывать, что большая часть дачников по своей основной профессии далека от проблем местной экономики. Они не представляют реальных финансовых ограничений районных и, тем более, местных властей в таких дотационных районах, имеющих весьма скудные доходы бюджетов из-за низких налогов на имущество и мизерных зарплат населения.

Более общий вопрос об организации сельской жизни перекликался с частным вопросом *"Что конкретно нужно вашему селу, деревне?"* Это позволило выявить ядра проблем. Необходимость улучшения инфраструктурного обустройства деревень отметили практически все дачники, причем главной проблемой являются дороги, необходимость улучшения которых отметил каждый третий³. На втором месте стоит проблема водоснабжения.

Для 64% местных жителей также важно улучшение инженерной и социальной инфраструктуры их деревни. Причем наибольшую проблему, помимо улучшения дорог (40%), составляет отсутствие освещения улиц (18%) и транспортной связи между деревнями (8%). Сейчас основная связь осуществляется по трассе Кострома - Мантурово, от которой отходят малопроезжие грунтовые дороги к деревням. Но все эти деревни расположены на бывшем Вятском тракте, прежде связывавшем их деревни. Его остатки местами сохранились, но в основном эта старая дорога малопроезжима.

Каждый пятый местный житель ответил, что их деревне нужны новые люди (при этом некоторые уточняли – "но не китайцы"). Дачники тоже считают, что нужен приток новых людей, но таких всего 7%. Зато в качестве первоочередных мер для своей деревни многие дачники назвали создание рабочих мест и повышение зарплаты местным жителям, помощь им в ремонте домов и в целом увеличение дотаций провинции. Естественно, что те же проблемы в гораздо большей степени волнуют и местных жителей (28%). Но для них они перекликаются с необходимостью восстановления сельского хозяйства (еще 13%).

Большинство дачников ратует за сохранение природы в том месте, где они живут, поскольку для них это главный ресурс. Строительство в 30 км выше по течению Унжи крупного целлюлозно-бумажного комбината (ЦБК) для дачников – катастрофа, удар в самую болевую точку, уничтожение главного дачного ресурса этих мест - экологического. Это связано и с вырубками лесов, и с загрязнением реки. Многие дачники говорили, что не мыслят своей жизни здесь без сбора грибов и ягод, без купания в реке. Тем не менее, всего 13% сказали, что они после строительства непременно уедут отсюда. Реакция местных жителей на возможное строительство ЦБК оказалась разнообразнее, и каждый четвертый приветствовал его строительство в надежде на работу и заработки (более подробно о перспективах ЦБК и об отношении к нему населения см. статью А.В.Рамонова в этом сборнике).

³ Тем не менее, некоторые дачники, наоборот, отмечали, что улучшение дорог увеличивает поток проезжающих машин и случайных людей, нарушая их покой и уединение, за которыми они и приехали в такую даль. Ради их сохранения они готовы терпеть бездорожье.

Два вопроса в этом блоке были направлены на раскрытие видения перспектив развития района. В вопросе, касающемся необходимости сохранения колхоза (сельскохозяйственного производственного кооператива)⁴ жители и дачники оказались удивительно солидарны. Тех, кто считает, что колхоз не нужен, набралось всего 14% и среди местных жителей, и среди дачников. Примерно столько же затруднились ответить. Для жителей колхоз - это и работа, и поддержка личного хозяйства, и снабжение страны продовольствием. Тоска о прошлом, о вполне успешном для здешних мест колхозе (см. Нефедова, 2007) связана не только с работой и зарплатами, хотя в нем было занято в несколько раз больше населения, чем сейчас. Колхоз был главным организатором местной жизни. Тем не менее, четверть опрошенных считает, что для сохранения СПК нужно привлечь новых работников или просто работать, косвенно признавая, что с местными кадрами эту проблему не решить. Еще 16% панацею видят в хорошем руководителе. А почти треть населения все-таки ждет помощи государства. Остальные затруднились ответить.

Практически все местные жители отмечали, что заброшенные поля это очень плохо, и из-за того, что освоенная земля должна использоваться, и из-за того, что к деревьям подступает дикая природа. Некоторые говорили, что им больно смотреть на зарастающие сорняками и лесом поля. Дачников тоже смущает наступление леса. Половина опрошенных дачников, как и местные жители, считает, что колхоз нужен как работодатель, и как поставщик продуктов. И лишь двое отметили чисто эстетический аспект – поля с цветущим голубым льном были очень красивы. Некоторые дачники считают, что колхоз должен заниматься только животноводством.

Сельскохозяйственная ориентация населения на этих северных территориях очень устойчива. Половина сельских респондентов призналась, что они не знают, что здесь может быть, кроме колхоза. Еще 8% видят здесь частное сельское хозяйство. Среди остальных видов деятельности чаще всего, почти каждый третий, называл добычу и переработку леса, 5% назвали производство стройматериалов, столько же – туризм. То есть, ***несмотря на все увеличивающееся число дачников и тесное взаимодействие с ними, подавляющее большинство сельских жителей не рассматривают это как возможную работу, вид деятельности в этом месте (отчасти из-за сезонности дачного проживания).***

⁴ СПК "Свобода" уже несколько лет является банкротом, сократив число занятых до 29 человек, а засеваемые поля составляет лишь 14% пашни (см. статью Е.Солодина в этом сборнике, а также Нефедова 2007а).

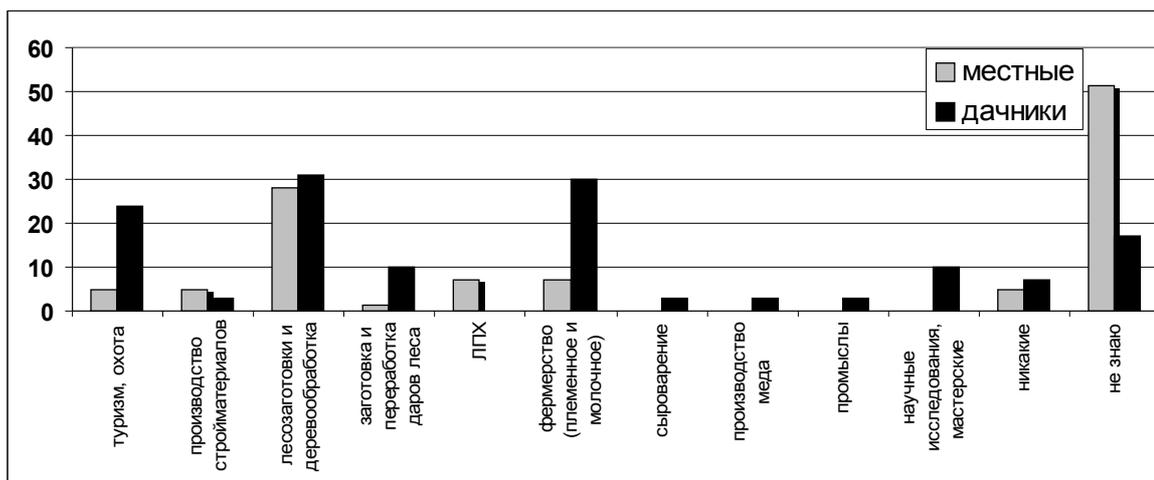

Рис. 10. Ответы на вопрос: "Какие виды деятельности, кроме колхоза, могут развиваться в этом месте?" в % от числа опрошенных

Ответы дачников о возможных направлениях развития заметно отличались от видения местного населения. Каждый второй назвал частное сельское хозяйство (молочное фермерское скотоводство, выращивание племенного скота, производство меда). Были даже предложения создания на базе молочного скотоводства небольшого сырного завода. Использование леса (включая лесозаготовки, деревообработку, заготовку и переработку грибов и ягод) считают перспективным 41% дачников. Каждый четвертый считает перспективным туризм, в т.ч. и этнический с использованием антуража местных домов, бань, атрибутов сельской жизни. Обслуживанием небольших туристических комплексов и дачников могут заниматься специальные фермерские хозяйства. Возможны здесь (и уже воплощаются) и мастерские художников, и научные исследования. В общем, фантазия дачников оказалась богаче.

Особый вопрос касался местных сельских традиций: что осталось и что нужно непременно сохранить. Сразу отмечу, что каждый третий вообще затруднился ответить на этот вопрос, а 19% сельских жителей и 7% дачников отметили, что традиций не сохранилось. Это различие очень важно, и может быть объяснено по-разному. То, что обычно для сельских жителей, порой оказывается в диковинку для горожан, и они считают это традицией. Однако ответы на вопросы показали, что и сельские жители, и горожане часто имеют в виду одно и то же. Просто *сельские традиции для дачников, приехавших в такую даль в том числе и ради некоторых из них, оказались даже важнее, чем для местных жителей.* Это противоречит одному из главных тезисов чиновников, объясняющих свою нелюбовь к дачникам тем, что они разрушают сельские традиции.

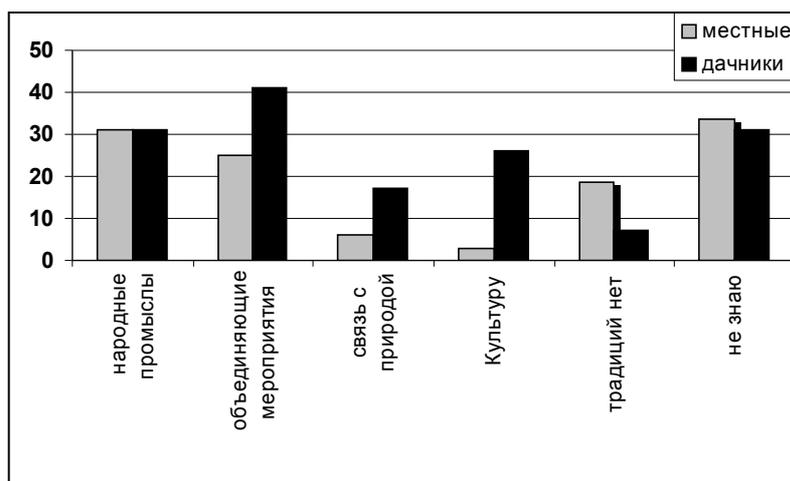

Рис. 11. Ответы на вопрос: "Какие местные традиции надо сохранять?" в % от числа опрошенных

Каждый третий местный житель отметил в качестве традиций народные промыслы, особенно ткачество (18%) и вязание ковриков, а также плетение корзин, катание валенок. Сильна ностальгия местных жителей по праздникам, в т.ч. с гуляниями, песнями (15%). А в целом тоска по объединяющим коллективным мероприятиям, включая даже спортивные, есть у каждого четвертого.

Необходимость сохранения промыслов отмечал и каждый третий дачник, а за праздники и прочие объединяющие мероприятия (совместное благоустройство села и т.п.), как важные сельские традиции, высказался 41% дачников, т.е. гораздо больше, чем местных жителей. Но для пришлого населения также оказалось важным сохранение культуры (26% опрошенных), как духовной (язык, самобытность), так и материальной (дома, русские печи и готовка в них, утварь, иконы). Многие дачники собирают старые предметы быта (прялки, деревянные кадушки, горшки, инструменты, мебель и т.п.), восстанавливают их, с гордостью показывают гостям и даже устраивают мини-музеи.

Важной традицией и местные жители, и дачники считают связь населения с природой, сбор даров леса, умение использовать то, что дает природа, в хозяйстве. Для дачников важно также сохранение как традиции понимания природы местными жителями.

И, наконец, последний вопрос касался будущего того места, где они живут. Он так и был сформулирован: *"Что здесь будет через 15-20 лет?"*. Интересно, что **оценки будущего местными жителями оказались более пессимистичными, чем дачниками**: 35% местных считает, что ничего не будет, все вымрет. Тот же ответ дали всего 21% дачников. Правда, если учесть близкие по смыслу ответы, то доля пессимистов среди

дачников даже больше: 10% отметили, что если не будет жителей, то не будет и дачников и 14% связывают свой крах с приходом ЦБК, который погубит природу.

Треть дачников не ответила на этот вопрос, 17% считает, что будет то же, что и сейчас. А остальные дачники видят следующие варианты: сохранятся только крупные села с местными жителями и дачники в мелких (13%), будут фермерские хутора и дачники вокруг (3%), все скупят москвичи (3%), село будет жить (3%). В целом, почти 40% всех опрошенных дачников и 60% ответивших на вопрос смотрят на свое будущее здесь все-таки с оптимизмом (правда многие оговаривались – если не будет ЦБК).

У местных жителей оптимизма меньше. Помимо трети полных пессимистов, лишь 15% считает, что село сохранится в том же виде или придут новые люди и будет лучше. 11% считают, что число жителей уменьшится, останутся маленькие деревушки с дачниками. Почти 40% не ответили на этот вопрос.

Заключение

Надо признать, что пессимизм жителей имеет под собой объективные основания. Если вновь обратиться к таблице 1, то становится очевидно, что с отъездом молодежи и постепенным уходом старшего поколения трудоспособное население через 15-20 лет останется лишь в центрах сельсоветов, куда сейчас стягивается и экономическая жизнь. Так что экспертно можно подтвердить позицию значительной части самих обитателей этих мест: скорее всего, останутся центры поселений (Угоры, Леонтьево) и крупные поселки типа Карьково. Именно им нужна, в первую очередь, помощь в экономическом развитии, рабочие места, зарплата, стимулирование развития частного предпринимательства. Остальные деревни постепенно превратятся в дачные, иногда вкупе с хуторским фермерским хозяйством. Но и их существование будет возможно только, если останутся хотя бы несколько семей живущих круглый год. Только так возможно в наших условиях сохранение инфраструктуры, снабжения, элементарного социального обслуживания и защита от мародерства. Эти оставшиеся немногочисленные постоянные жители, в основном среднего возраста, (необязательно коренные местные, возможно и приезжие, занимающиеся частным сельским хозяйством, ремонтом и т.п.), будут тесно связаны с дачниками и, по существу, обслуживать их. Тем самым в сельской местности будет создаваться пока теневая сфера услуг. Рычагов, которые могли бы задержать в небольших удаленных деревнях или привлечь в них молодежь на постоянное жительство, не просматривается. В то же время дачное расплодание Москвы продолжается. Бегство из мегаполиса и даже из его окраин в отдаленную глубинку с ее природой, тишиной, отсутствием суеты становится все более популярным. Этот феномен растущей

потребности в **дальней даче** дополнительно к **ближней даче** или взамен ее для интеллигенции среднего уровня достатка становится все очевиднее. И только эти процессы, а не восстановление огромных площадей распашки в тайге или прочие грандиозные проекты в обезлюдивших местах, могут спасти небольшие деревни. Это должно быть важным сигналом как для федеральных и региональных властей, создающих концепции и программы развития сельской местности, в которых, как правило, нет места городским дачникам, так и для местных властей, которые, в отличие, от местных жителей, не очень радуются наплыву строптивых образованных московских дачников, которыми очень трудно управлять, но с которыми можно плодотворно сотрудничать.

Литература

Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. М.:Новое издательство, 2003.

Нефедова Т.Г. Угорское поселение – растяжение и сжатие освоенного пространства// Перспективы Российского Севера/ под ред. Н.Е.Покровского. М.:Сообщество профессиональных социологов, 2007а.

Перспективы Российского Севера/ под ред. Н.Е.Покровского. М.:Сообщество профессиональных социологов, 2007б.

Российский северный вектор/ под ред. Н.Е.Покровского. М.:Сообщество профессиональных социологов, 2006.

Современный российский Север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре/ под ред. Н.Е.Покровского. М.:Сообщество профессиональных социологов, 2005.